

Марина и Сергей Дяченко

Эмма и Сфинкс

*Часть сборника
Магия театра (сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Эмма и Сфинкс

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145687

Пещера: Избранные произведения / Марина Дяченко, Сергей Дяченко:

Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-29524-1

Аннотация

«В лесополосе пахло осенью. До наступления вечности оставалось не более получаса.

Мальчик вытащил из кармана перочинный ножик, взял на изготовку длинную удобную палку и принялся разворачивать траву и прелые листья в наиболее подозрительных местах.

Он любил искать грибы. Это было похоже на рыбалку, почти так же интересно. Здесь водятся маслята и подосиновики, а трухлявые сыроежки – ну их на фиг...»

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина и Сергей Дяченко

Эмма и Сфинкс

Пролог

В лесополосе пахло осенью. До наступления вечности оставалось не более получаса.

Мальчик вытащил из кармана перочинный ножик, взял на изготовку длинную удобную палку и принялся разворачивать траву и прелые листья в наиболее подозрительных местах.

Он любил искать грибы. Это было похоже на рыбалку, почти так же интересно. Здесь водятся маслята и подосиновики, а трухлявые сыроежки – ну их на фиг...

Прошло полчаса, а может час, а может и все два; солнце висело еще высоко, у мальчика заболела шея – все время смотреть вниз. Он выпрямился – и увидел впереди, в нескольких шагах, поваленное дерево.

Он не помнил, чтобы здесь росли такие деревья. Не замечал раньше. Оно было старше лесополосы, старше дороги, старше, наверное, всего их поселка.

Оно было огромное. И теперь лежало на боку, наставив на мальчика круглый и светлый срез.

Мальчик подошел.

Пень был размером со столик. Срез лежащего ствола доходил мальчику до пояса. Древесина оказалась совсем сырой, дерево спилили недавно и очень аккуратно. Будто маслом ножиком, подумал мальчик.

И на пне, и на срезанном стволе четко видны были годовые кольца. Мальчику сразу же захотелось узнать, сколько их; он начал считать – и сбился, начал снова – и сбился опять.

Колец было не меньше ста, а может, и больше.

Мальчик опустился на край огромного пня и подумал: целый год с каникулами, зимними и весенними, с Дедом Морозом, с долгим летом помещается в одном кольце. Отсчитать десять колец – и получится вся его жизнь.

Странно.

Он провел ладонью, чуть касаясь пня. От середины, где кольца почти сливались, к краю. Дерево жило сто лет, подумал мальчик. А теперь я вижу, как оно жило. Каждую его минуту.

А кто его срезал?

Солнце скрылось за облачком.

Мальчику вдруг показалось, будто все вокруг изменилось. Сделалось очень тихо; секунду назад шелестели ветки и перекликались птицы, а сейчас – как в пустом доме, как на контрольной.

Он вовсе не был трусом. Но страх пришел, воткнулся в кожу сотнями иголок, приподнял коротко стриженные волосы на макушке.

Следовало оглянуться. Убедиться, что никто не смотрит в затылок. Что никто не прячется за поваленным стволом.

Он знал, что надо оглянуться, – и не мог. Не поворачивалась шея. И чем дольше он сидел, обмерев, на широком пне, тем яснее ему становилось, что за спиной у него кто-то (что-то?) есть.

Почему, ведь он всегда верил, что все плохое в жизни случится не с ним?!

Почему же *это* случается? Уже почти случилось?

Никогда прежде на него не наваливалась такая мутная, такая непонятная паника. Остатками разума он понимал, что причины нет, что в лесу он один...

Наверное.

Все, что он успел сделать, – заорать и сорваться, опрокидывая корзинку, с места. И кинуться сквозь лес с истошным воплем «Мама!».

Часть первая

Эмма

Второго ноября Эмме Петровне исполнилось тридцать пять лет.

Отмечали в театре. Эмма принесла большую сумку с бутербродами, купила в соседнем магазине положенное количество вина, водки и одноразовых стаканчиков. После дневного спектакля («Лесные приключения», сказка для дошкольников) в большой гримерке накрыли стол.

Все было в высшей степени пристойно и даже очень мило. Пока Эмма переодевалась, пока смывала заячий нос, губу и тонкие усики, завтруппой уже успела разложить бутерброды и нарезать торт. Потом пришли гости – все, кто был занят сегодня днем, а с ними старенькая костюмерша и помреж. Говорили тосты, желали здоровья, называли человеком верным, добросовестным, честным, добрым и вообще хорошим. Подарили фарфоровую вазу. Принесли букет ноябрьских – мелких, но очень душистых – астр. Всё сказали, съели и выпили примерно за час с четвертью, а потом девочки, соседки по гримерке, помогли Эмме собрать посуду и пустые бутылки обратно в сумку.

Быстро смеркалось. В пять часов за окном было почти совсем темно; те, кто был занят в вечернем спектакле, еще не

пришли, прочие разошлись по домам. Эмма осталась в примерке одна.

Это была давняя привычка. Она всегда уходила позже всех. В школе. В институте. В театре. Медленно собираясь, повторяя роль, еще раз проигрывая про себя, верша своеобразный ритуал, жертвуя Любимому Делу дополнительный час, или полтора часа, или хоть тридцать минут.

И сегодня она задержалась скорее по привычке, нежели из надобности. Аккуратно сложила в стол коробку с гримом, пачку лигнина, мыльницу, полотенце и крем. Застегнула пальто, повязала шарф, взяла сумку и вышла в полутьму коридора.

Попрощалась с дежурной на входе.

Воздух был холоднее, чем утром. С неба валились последние листья – самые стойкие, самые желтые. Налипали на мокрый асфальт.

В черных лужах отражались редкие яркие звезды и тусклые ноябрьские фонари.

Неподалеку от служебного входа рос большой каштан. На одной из его голых веток сохранилось засохшее соцветие – майская «свечка».

Почему-то этим цветам не дано было стать плодами, обрести колючими шариками каштанов и упасть в сентябре на асфальт. Для белой пирамидки по сей день продолжался май; правда, цветы засохли и сморщились, однако даже скелет соцветия выглядел вызывающе, оставшись один на голой-го-

лой ветке.

Эмма отвела взгляд от припозднившейся «свечки». Выгрузила в урну пластиковый пакет с мусором. Поправила шарф.

Сегодня ей исполнилось тридцать пять. И она в тридцать пятый раз сыграла Матушку-Зайчиху.

Ей всегда казалось почетным, едва ли не священным делом работать для детей. Она переиграла в полусотне разных спектаклей – белок и лисиц, зайчих, зайчат, девочек, мальчиков, курочек, лягушек, деревянных солдатиков, стражников, шахматных фигурок, бабочек и даже коров.

Ее всегда ставили в пример, когда речь заходила о серьезном отношении к профессии.

Она жила будто под развернутым крылом. Она знала – со школьных лет, – что ее упорство и верность обязательно будут вознаграждены. Нет, она старалась не ради награды, однако где-то внутри ее всегда жила вера в чудо, которое скоро случится. Возвращаясь домой позже всех, усталая, углубленная в себя, она несла мимо вечерних витрин свою тайну – тайну Золушки, которая знает, чем кончится сказка.

Ей доставляло удовольствие в мельчайших деталях продумывать крохотную, ничего не значащую роль. Пусть даже в плохом спектакле. Была в этом какая-то сладость; Эмма выдумывала биографию лисичке, которая появлялась на пять минут в толпе других зверей. Или ежику, у которого за весь спектакль было три слова. Но зато как она проживала

зоны молчания!

Приходила не за сорок минут до начала – за полтора часа, гримировалась, волновалась, ждала. И знала: настоящая любовь не бывает безответной. Все у нее будет – и роли, и режиссеры, и признание... Разве у судьбы нет глаз?

Сегодня ей исполнилось тридцать пять.

Сегодня она в который раз видела, как пятидесятилетняя Ирина Антоновна скачет по сцене, трясет двойным подбородком, изображая хомячка. Детям, наверное, нравится? Что может быть благороднее, чем играть для детей?

Сегодня Эмма в первый раз поняла, что спустя полтора десятка лет она будет на этой же сцене играть того же хомячка. Или – в лучшем случае – чью-нибудь бабушку. Дети в зале будут меняться, Эмма на сцене будет стареть. И когда-нибудь в антракте ее хватит инфаркт, и ее увезут в больницу, не успев смыть со старушечьих щек нарисованные гримом заячьи усики...

Над мокрым асфальтом плыли черные силуэты прохожих. Сумка с дареной вазой сделалась вдруг тяжелой, как цемент. Что чувствовала бы Золушка, доведись ей состариться в доме мачехи, в окружении чужих детей и внуков?

Вокруг стоял ноябрь – прекрасное время для тех, кто любит себя жалеть.

В понедельник в театре был выходной. Эмма потратила короткий день на стирку, веник и блуждания по продуктовым магазинам; темнота застала ее на кухне, в одиночестве, за ранним ужином.

Яичница таращила желтые подсоленные глаза. Маленький телевизор бесшумно перебирал кадры какой-то, по-видимому, мелодрамы, и Эмма глядела на экран заворуженно и безучастно, как смотрят в огонь камина. И в это время грянул телефонный звонок.

– Алло?

– Эммочка, с днем рождения! Желаю всего-всего! И здоровья особенно! Как делишки, как празднуем?

Иришка, старая Эммина приятельница еще по институту, всегда отличалась великолепной небрежностью во всем. Она вечно опаздывала на репетиции, теряла деньги, вещи и документы, забывала текст роли, путала не только чужие дни рождения – даже свой однажды забыла и на поздравительную телеграмму от матери долго глядела, выпучив глаза. При всем при этом Иришка благополучно работала в академическом театре, получила «заслуженную» в двадцать пять лет и скоро, через месяц-другой, должна была сделаться «народной».

– Спасибо, Ирочка, – сказала Эмма, невольно улыбаясь. –

Вчера отпраздновала.

– А-а-ай! – длинно вскрикнула Иришка. – Вот башка моя, вечно забуду, ты прости дуру, лучше ведь позже, чем никогда... Слушай, тем лучше. Раз гостей у тебя сегодня нет, может, выберешься к нам? У нас с Ванькой почти юбилей, пятнадцать лет и одиннадцать месяцев как женаты... Вينيшко есть хорошее, тортик там, спектакля нет в кои-то веки, давай, а?

– Нет, спасибо, – сказала Эмма почти испуганно. – Ване привет, конечно, но у меня сегодня... Вот если бы заранее... Нет, нет, спасибо, но сегодня не получится никак.

* * *

Иришка с мужем жили в получасе езды на маршрутке. В ответ на звонок за дверью послышалось сперва утробное «Гав! Гав!», потом решительное «Фу!» Ивана, потом смех Иришки, потом лай удалился и стих так внезапно, будто пес провалился в преисподнюю. На мгновение потемнел светлый глазок на двери; щелкнул замок, и Иришка, высокая, полногрудая, в восточном шелковом халате до пят, раскрыла Эмме объятия.

– Поздравляю, – сказала Эмма, тыча ей в руки букет осенних астр. – Все-таки пятнадцать лет и одиннадцать месяцев...

– Это мы тебя должны!.. – громко обрадовалась Ириш-

ка. – У нас и подарок!.. Боже, ну ты так редко заходишь, я понимаю, жизнь эта долбаная, закрученная, но надо же себе делать праздники, если сам себя не порадуешь, то кто?.. Давай-ка за стол, за стол, мы тут с Ванькой уже бутылочку – это, а тортик ждет, не надрезали, тебя ждали...

Иван, Иришкин муж, когда-то учился с Эммой на одном курсе, но в театре не работал ни дня – у него обнаружили стихийные способности к предпринимательству, и за несколько лет он успел пройти путь от челночника с клеенчатыми сумками до главы крупной и уважаемой фирмы.

– Привет, Ваня, – Эмма улыбнулась.

Иван галантно ткнулся губами в ее руку; у него были жесткие щекотные усы.

– Сейчас Офелию выпущу, – сказала Иришка. – Эммочка, ты, главное, резких движений не делай. Пусть она понюхает, освоится...

Офелия рождена была для роли Собаки Баскервилей. Эмма никогда не боялась ее – может быть, потому, что не представляла до конца, на что собачка способна. А супруги представляли – и потому первое явление Офелии гостям всегда сопровождалось тысячей предосторожностей.

Эмма дала себя обнюхать. Потом Офелия, шумно сопя и топая, проследовала в дальнюю комнату и там, судя по грохоту, улеглась.

Стол был накрыт прямо на кухне – благо кухня у супругов была размером с небольшой стадион. В центре стола поме-

щался какой-то многоэтажный, перспективного вида тортик килограммов на пять.

– Какую ты хочешь музыку? – хлопотала Иришка.

– А... больше никого не будет? – растерянно спросила Эмма. Она знала, что вечеринки в этой квартире устраивались обычно многолюдные.

– Да понимаешь ли, все экспромтом, под настроение... Мигаевы еще собирались, но у них Санька заболела, наверное, грипп. – Иришка перебирала диски под настенной лампой, блики от маленьких круглых зеркал метались по потолку. – Вот, это новенькое... Ставить?

– Давай, – согласилась Эмма.

И сделалась музыка.

Иван резал торт. На широкий светлый нож налипали шоколадные кусочки крема. Иришка говорила и говорила, речь ее сочеталась с музыкой, две звуковые дорожки – инструменталка и болтовня – переплетались, не мешая друг другу.

– А как Игорешка? – спросила Эмма, когда в Иришкином монологе случилась небольшая пауза.

– Отлично, – отозвался Иван. – Поступаем вот... Серьезно поступаем.

– В этом году? – изумилась Эмма. – Уже?

– Уже. – Иришка заняла свое место за столом. – А еще вчера, кажется, под ногами крутился... Ну, давай за Эмкин день рождения.

И прежде чем Эмма успела согласиться или возразить, бо-

калы сдвинулись, и тост был реализован.

– Будь здорова, Эммочка! – провозгласила Иришка, облизывая напомаженные губы. – Сама знаешь, как мы с Ванькой тебя любим... Ну, расскажи, чего нового?

– Ничего, – сказала Эмма. – Сказку вот на Новый год репетируем. Честно говоря, фигня редкостная. Лучше бы «Двенадцать месяцев» взяли.

Иришка покивала:

– Да-да... Знаешь, Лопатова замуж вышла?

– Да ты что?!

Некоторое время они ели торт, обсуждая жизненные перипетии старых друзей и врагов, и ближних и дальних знакомых, их детей, племянников и зятьев.

– Ерунда! – Иришка энергично подпрыгнула на стуле. – Игорешка и думать не думал, какой там театральный, ты что... Он же серьезный мужик у нас... Он фундаментальный мужик, хорошо знает, чего хочет, уже сейчас программы пишет недетские... Математику любит, – Иришка почему-то понизила голос. – По математике у него – один очень интересный мужик. Берет он, конечно, бабок немерено... Но – гарантирует. С гарантией работает. Причем поступают не то чтобы пошло, по блату – нет. Все, за кого он брался, все по математике имеют пять, куда ни ткнишь... Вот и сейчас сидят, занимаются. Три раза в неделю – понедельник, среда, пятница...

– У меня по математике трояк был, – признался Иван. –

Когда смотрю, какие Игореха задачи берет – кайф испытываю, ей-богу.

– А наш Росс и в самом деле интересный мужик, – продолжала Иришка вполголоса. – Ростислав Викторович. Не от мира сего, знаешь, как в книжках. Сумасшедший ученый, вроде того. Пишет книги какие-то, говорят, в них академики ни черта не понимают, но если понимают – волосы рвут. От счастья. Вроде гениальный он. Признают – Нобеля дадут...

– Нобеля математикам не дают, – сказала Эмма.

– Да? – Иришка удивилась. – Ну так другое что-нибудь дадут... А если и не дадут – у него и так бабок полно, на «болванчиках» зарабатывает. Так что интересный мужик, интересный... Ну что, за что теперь пьем?

Эмма ощущала легкую эйфорию. В такие минуты ей легко было думать о летящих и танцующих людях, о крылатых, не касающихся земли, смеющихся, поющих, добрых...

– Давайте за Игорешку, – предложила она. – Чтобы он был здоров и поступил.

– За Игорешку! – в один голос согласились супруги.

Не успела Эмма поставить на скатерть наполовину опустевший бокал, как в коридоре послышались голоса и в отдалении радостно взвизгнула Офелия. Секунду спустя в кухню заглянул Игорь – лохматый губастый подросток, очень похожий на мать.

– Здравсьте, тетя Эмма...

– Привет! А мы тут за тебя пьем! – обрадовалась Эмма,

пожалуй, слишком шумно.

Иришка поднялась:

– Игореха, ты Ростика Викторовича не сильно уморил?
Ну-ка...

Иван снова наполнил доверху Эммин бокал.

– Ростислав Викторович! – донесся Иришкин голос уже из прихожей. – Можно вас пригласить на рюмочку чая? Ваня торт купил, очень вкусный. Может быть, кофе?

И что-то ответил мужской голос.

– На двадцать минут! – решительно продолжала Иришка. – Игорь подождет. Через двадцать минут выйдете вместе... Что? И Офелия подождет. На улице холод, замерзнете, надо теплого перед дорогой...

Офелия разочарованно заскулила.

В двери кухни возникла сперва Иришка, а за ней – человек лет сорока, темноволосый. Лицо у него было треугольное, узкое, с острым подбородком. Глазам и бровям, казалось, было тесно на этом лице без щек, поэтому брови топорщились, а глаза, светло-серые, смотрели отрешенно и странно.

– Добрый день, – сказал человек, останавливаясь в дверях.

В готических романах, которые Эмма любила подростком, в таких случаях сообщалось: «Его пронзило предчувствие». Прежде Эмма думала, что «пронзило» – книжный оборот, а «предчувствие» – всего лишь смутная догадка; теперь ей показалось, что ее не сильно, но вполне ощутимо

ткнули иголкой под ребро.

– Это Ростислав Викторович, – Иришка почему-то улыбнулась Эмме. – А это Эмма Петровна, наша с Ваней близкая подруга еще со студенческих лет... Замечательный человек, прекрасная актриса. Работает в детском театре. Да вы присаживайтесь, Росс!

Репетитор уселся на предложенный стул. Внимательно посмотрел на новую знакомую; прозрачные глаза его переменяли выражение. Странные глаза, подумала Эмма. Как будто обладатель их знает нечто важное, доступное только ему. И, разумеется, никому не скажет ни за какие коврижки.

Будто в ответ на эту Эммину мысль – она как раз улыббалась репетитору немножко, впрочем, натянуто – странные глаза вдруг потеплели, и Эмме на секунду показалось, что она давно знакома с этим человеком, что она знает его много лет.

Сидящий напротив отвел взгляд, будто смутившись.

– В кои-то веки удастся вот так посидеть! – Иришка снова запустила свою легкую «звуковую дорожку». – Мы – артисты, вечно варимся в своем соку... Знаете что? Давайте выпьем за любимую работу! Вот Эммочка наша прямо-таки живет в театре, это не всякий человек может понять, но мы – артисты, мы особенные люди... Росс, вы думаете, это портвейн? Это чудо, а не портвейн, это коллекционное вино! Ваня, не спи, мы уже пьем!

Эмма снова поймала на себе взгляд больших прозрачных

глаз. На этот раз репетитор смотрел будто издалека, будто сквозь бинокль; первой потупилась Эмма. Тем временем Иван подобрался с бутылкой к бокалу гостя. Эмма почему-то подумала, что математик откажется от вина, тем самым соответствуя образу «гениального ученого не от мира сего». Но репетитор взял бокал за тонкую ребристую ножку, поднял, и Эмма подняла свой. Медовые блики портвейна метнулись, маленькая волна лизнула хрустальные стенки, оставляя на них оплывающий след; Эмма улыбнулась. Вкус вина поднялся в ноздри, заставив их счастливо вздрогнуть.

Иришка пребывала в ударе. Ее таланту рассказчика позавидовал бы любой эстрадный монстр; бесконечные театральные истории сменяли одна другую, и почти всегда оказывалось, что все это случилось либо с Иришкой, либо на Иришкиных глазах, либо на глазах ее партнеров, которые врать не станут.

– ...А в финале ее выносили на сцену уже «мертвую», в мешке. Ну и, разумеется, народную артистку просто так в мешок не засунешь, ну и совали в этот мешок девочку-гримершу, и Павел наш, пока рыдал над телом в мешковине, успевал эту девочку ласково так щипнуть. И погладить. Несколько раз. Она, помню, жаловалась, но не очень. Все-таки Павел был о-го-го мужчина, да еще артистище матерый, бабы за ним в очередь становились... А однажды на гастролях эта девочка заболела. Что делать? Засунули в мешок парня-монтировщика, он шуплый был и роста небольшого. Вот. А Па-

ша не знал... Короче говоря, финал, героиню выносят в мешке, все рыдают... Паша рыдает, в зале женщины в платочки всхлипывают, катарсис... Вдруг труп вскакивает, да как матом заревет, таким матом! Пашино лицо... Ну, вы представляете себе, да? Помреж три минуты занавес не мог дать – ржал за кулисами... Ему, кстати, выговор потом объявили. А за что?

Математик хохотал, смахивая с глаз навернувшиеся слезы. Эмма подумала, что он хороший зритель. Есть такие папы, которые, приведя детей в театр, смеются громче всего зрительного зала... И работать для них куда приятнее, чем для тех, других, благополучно засыпающих в первом ряду... И Эмме тоже захотелось что-нибудь рассказать – благо историй и баек она знала немало.

Иришка великодушно поделилась с ней ролью рассказчицы. Случилась своего рода дуэль на байках: пока одна рассказывала, другая подпрыгивала на стуле от нетерпения, дожидаясь своей очереди.

– ...что, мол, без полетов в гробу работать не будет. Вбухали в этот гроб половину всего бюджета! Премьеру сыграли – резонанс. Зал полон. Шестой спектакль, седьмой, десятый... Аншлаги! А на одиннадцатом наши умельцы, монтировщики, Восьмое марта отмечали. Это же надо было додуматься – поставить «Вий» на Восьмое марта! Короче говоря, Ленка Дроздова, которая в первом составе Панночку играла, взлетает в своем гробу...

Игорешка раз и другой заглянул на кухню. Потом Эмма слышала, как он вышел из квартиры вместе с Офелией, – видно, понял, что репетитора не скоро дождется.

Иван вышел покурить на балкон. Хозяйка и гостя, будто не заметив этого, азартно состязались за внимание Ростислава Викторовича.

– ...А вот это было совсем не смешно... На двенадцать фей чуть ли не весь женский состав собрали. А тринадцатую – ведьму – играл Александр Иванович Манько, характерный такой, народный артист... Всю первую сцену король-отец сидел на троне. А когда вошла ведьма – длинная пауза, все замерли, Александр Иванович зловеще так входит... Тут, согласно мизансцене, король встает с трона и идет ведьме навстречу. Делает три шага... И сверху падает падуга! И на трон! И трон – в щепки! Счастье, что никто в это время рядом не стоял... Короче, тишина такая – в зале, на сцене, за кулисами... И в этой тишине Александр Иванович своим скрипучим голосом говорит: «В другой раз, Ваше Величество, испугом не отделаешься». Король смотрит на трон, где только что сидел, и падает в обморок без единого слова. И – занавес. Самый короткий спектакль за всю историю театра...

Иван вернулся, принес с собой запах свежего ветра, ноябрьского вечера и хороших сигарет. Иришка, не морочась, закурила прямо на кухне, и Эмма тоже закурила; она бралась за сигарету только в крайних случаях. Теперь ей хотелось

курить впервые за несколько месяцев, – наверное, она была здорово возбуждена, да и вино ее внутренне растормошило.

– ...В финале все замерли в патетических позах, кто с лопатой, кто с чертежом, в строительных касках, смотрят в зал... Музыка такая соответствующая, это же двадцать лет назад было... И пошла падуга вниз, а на ней должен быть задник – эта самая плотина, которую они весь спектакль строили, под алыми стягами. А рабочий падуги перепутал... Короче говоря, все замерли в позах, и опускается за их спинами статуя Свободы с факелом в руке. Из спектакля о Чаплине...

Диск с музыкой давно закончился, Иван выудил из стопки первый попавшийся CD, скормил музыкальному комбайну; грянула невообразимо низкая, душераздирающая гитара. Репетитор вздрогнул. Иришка махнула рукой:

– Ванька! Выброси эти Игорешкины цацки, поставь то, что было, только сначала!

– А вот еще, слушайте! – Эмма подняла руку, ловя взгляд репетитора. – Слушайте... Расстреливают однажды Овода. Солдаты стреляют – мимо, как водится... А в зале – дети, родители, школьники с учителями... Кульминация! – Эмма перевела дыхание. – Офицер на солдат орет, трибуналом грозит, сам выхватывает пистолет и... – Она выдержала короткую наполненную паузу и развела руками, чуть не смахнув на пол свой бокал. – Нет выстрела! У помрежа порох рассыпался. Нет выстрела! Солдаты стоят, зритель сидит... Овод стоит... Надо сцену продолжать, а нет выстрела! Пред-

ставляете?

Эмма выдержала длинную паузу. Ей нравилось, как репетитор зачарованно на нее смотрит.

– Ну, офицер, чтобы хоть как-то паузу заполнить, решил в дуло немножечко подуть... Вот так, – Эмма изобразила указательным пальцем дуло пистолета. – А в этот момент, как он только дуло к губам поднес... выстрел!

Репетитор смеялся. Эмма – неведомо как – знала, что ему доставляет удовольствие слушать ее. Что он искренне заинтересован в рассказе. Какой странный, думала Эмма, безусловно странный, но – какой приятный человек!

В этот самый момент со стола упало снесенное чьим-то локтем блюдце. Звон показался Эмме резким, преувеличенно громким; Иван побежал за веником, Иришка, нимало не печалась, завела очередную историю о неудачном выстреле, а Эмма вдруг поймала на себе взгляд репетитора – в нем не было ни искры смеха. Народный артист позавидовал бы такому переходу: только что человек утирал веселые слезы, и вдруг смотрит серьезно, чуть ли не печально, а прошло мгновение – и он опять же искренне смущен, оказывается, разбитое блюдце – его работа...

Как ни разогрета вином, как ни весела была Эмма, но в этот момент у нее по спине пробежали мурашки. Нюх – а нюх у нее всегда был отменный, куда там слюнявой Офелии, – подсказал ей, что в поведении сидящего напротив имеется ничтожная, незаметная глазу неправильность.

Впрочем, через секунду, когда осколки блюда были аккуратно сметены в пластиковый совок, Эмма уже забыла о мгновенном своем дискомфорте.

– ...и он должен был выйти на сцену – у него единственная реплика была: «Иван Иванович застрелился». А с выстрелом – накладка... Ну, он решил проявить находчивость, и спектакль-то заканчивать надо... Мы на сцене сидим, маемся, какие-то слова выдумываем... Он выходит и говорит: «Иван Иванович утонул в пруду!» В это время бах – выстрел. Он растерялся и говорит: «...и застрелился».

Игорь с Офелией давно вернулись. Чайник остыл, его закипятили снова.

– А вот у нас было!..

– Да погоди, вот я еще расскажу...

Был уже одиннадцатый час, когда они вспомнили о времени.

* * *

Ростислав Викторович пошел провожать Эмму. Стоял туман, такой густой, что страшно было дышать.

Горели фонари – через один; радостное возбуждение покидало Эмму, таяло, как облачко пара изо рта.

Светлая кухня с журчащей музыкой, вино в бокале, смех и шоколадный торт – все это отодвигалось с каждым шагом; зритель хорош, когда он сидит в зале и ловит каждое слово.

Спектакль закончен, всем надо отдохнуть, зритель идет своей дорогой, артист – своей...

Перестав быть зрителем, репетитор сделался чужим для Эммы. Его присутствие становилось все более и более ненужным, реплики, которыми они обменивались, – все более и более натянутыми.

– ...Нет, я не преподаю в школе. Так сложилось...

Эмма с удовольствием обошлась бы без провожатого. Но Иришка, как всегда, устроила все по-своему. Прощаясь, она десять раз повторила, что Ростислав обязательно проводит Эмму, что время позднее, а с Россом Эмме не будет страшно. И как-то по-особенному заглянула Эмме в глаза...

– ...Нет, я и в вузе не преподаю. Когда-то пытался... наверное, это не мое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.